

И. С. Юхнова

Нижний Новгород, Россия

ЛЕРМОНТОВСКИЙ «ПАРУС» В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ

Стихотворение Лермонтова «Парус» относится к эмблематическим текстам русской культуры и отличается высокой опознаваемостью. Образ, созданный в нем Лермонтовым, всегда воспринимался как емкий символ, а его интерпретации были обусловлены «духом» исторической эпохи. Первая строчка стихотворения – цитата из поэмы Бестужева. Именно по этой причине в стихотворении прочитывался декабристский пафос. В эпоху революционных преобразований «парус» ассоциировался с бунтарем-революционером, который идет против обстоятельств, стремится изменить мир. Во времена безвременья или застоя актуализируются мотив одиночества и пространственная неопределенность паруса. В настоящее время намечается новое понимание образа – парус как символ постоянного движения вперед, развития. Именно этот смысл считывают иностранцы. Характерно выразил доминанту данного образа китайский президент Си Цзиньпин: Лермонтов «повествует о твердой воле и упорной борьбе». Такое понимание больше отражает суть китайского национального характера, чем смысл стихотворения. Но этот пример – яркая иллюстрация того, что знаковый образ русской культуры актуален и для иной национальной традиции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *М. Ю. Лермонтов; «Парус»; «Белеет парус одинокий»; русская культура; бытование произведения.*

I. S. Yukhnova
Nizhny Novgorod, Russia

LERMONTOV'S "SAIL" IN THE RUSSIAN CULTURAL CONSCIOUSNESS

Lermontov's poem "Sail" refers to the emblematic texts of Russian culture and is highly recognizable. The image created by Lermontov was always perceived as a capacious symbol, and its interpretations were determined by the "spirit" of the historical era. The first line of the poem is a quote from Bestuzhev's poem. It is for this reason that the Decembrist pathos could be read in the poem. In the era of revolutionary changes "sail" was associated with a revolutionary rebel who seeks to change the world. In times of timelessness or stagnation, the motive of loneliness and the spatial uncertainty of the sail are actualized. Currently, there is a new understanding of the image-the sail as a symbol of the unstoppable movement forward, development. This is the meaning read by foreigners. According to Xi Jinping, Lermontov "tells the story of strong will and persistent struggle". This example is a vivid illustration of the fact that the iconic image of Russian culture is also relevant for the foreign national tradition.

Key words: M. Yu. Lermontov; "Sail"; "White sail lonely"; Russian culture; existence of the work.

Стихотворение Лермонтова «Парус» – одно из самых известных его творений – относится к эмблематическим текстам русской культуры, т. е. к таким произведениям, которые через некий образ или словесную формулу выразили важные для русского национального сознания смыслы, аксиологически значимую идею.

Вместе с тем история этого стихотворения свидетельствует, что Лермонтов не придавал ему такого значения, которое оно получило у читателя в процессе бытования. Более того, он даже не включил его в единственный прижизненный сборник своих стихотворений, который вышел в октябре 1840 года. Как известно, поэт крайне тщательно отбирал для него свои произведения и включил в издание только 26 стихотворений и 2 поэмы; из ранней лирики туда попала одна «Русалка». Таким образом, сам поэт по каким-то причинам не счел возможным опубликовать «Парус» в итоговом издании. Возможно, для Лермонтова он был всего лишь юношеской пробой пера, «стихотворением на случай», которое родилось во время кардинальных перемен в его судьбе.

Впервые стихотворение появляется в письме к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г.: «Я поставил себе целью засыпать вас своими письмами и стихами; это не очень по-дружески и даже не человеколюбиво, но каждый должен следовать своему предназначению. Вот еще стихи, которые я сочинил на берегу моря...» [1, с. 372]. Далее следовал текст нового стихотворения. Таким образом, обстоятельства его появления, наличие адресата М. А. Лопухиной, которой оно «доверено», свидетельствуют о том, что стихотворение фиксирует ощущение внутренней неопределенности, которая возникает на жизненном перепутье поэта. Его судьба резко меняется: теперь не Москва и университет, а Петербург и школа гвардейских подпрапор-

щиков; не лекции профессоров, а команды офицеров; не жизнь в доме на Молчановке с любимой бабушкой, а казарма. Вот эта неизвестность и выражается в той пространственной неопределенности, которая появляется в стихотворении. Белеющий вдали парус – это проекция на свое внутреннее состояние, а вопросы – попытка словесно оформить то, что тревожит и мучает поэта.

Стихотворение возникло, по свидетельству самого Лермонтова, «на берегу моря», во время его первых учений, которые проходили в Царском Селе. Есть даже более точная локация – у дворца Монплеизр. Там действительно открываются невероятные морские просторы. Это состояние собственной замкнутости на фоне морской беспредельности как раз и рождает внутренний порыв к движению, действию.

Необходимо обратить внимание на еще один момент – в этом стихотворении, хоть и на периферии, осязаемо пророчески-провидческое понимание своей будущей судьбы как судьбы скитальца. Этот мотив не нов у Лермонтова. Например, в стихотворении «1831 июня 11 дня» есть предвидение, которое поражает всех читателей этого юношеского текста: «Я предузнал мой жребий, мой конец, // И грусти ранняя на мне печать; // И как я мучусь, знает лишь творец; // Но равнодушный мир не должен знать. // И не забыт умру я. Смерть моя // Ужасна будет; чуждые края // Ей удивятся, а в родной стране // Все проклянут и память обо мне».

Таким образом, стихотворение «Белеет парус одинокий» имело глубоко личный подтекст и выразило то настроение, в котором Лермонтов пребывал в первые месяцы своей петербургской жизни. Оно передало и его первые впечатления от встречи с морем. Может, в силу этой биографичности поэт не осознавал того смыслового потенциала, который заключался в стихотворении.

Широкая публика смогла впервые прочитать «Парус» в томе XVIII (№ 10) журнала «Отечественные записки» за 1841 год; затем это произведение было включено во второе издание стихотворений Лермонтова, которое вышло в свет в 1842 году, его отметил В. Г. Белинский, причем в характерном контексте. Критик оценивал издание стихотворений поэта, трагически покинувшего мир, потому поставил вопрос о необходимости целостного восприятия творчества Лермонтова. Он так и написал: «...неожиданная и преждевременная смерть поэта дала совсем другой оборот делу, и издатели его стихотворений не должны были, скажем более, не имели права не собрать и не сделать известным публике всего написанного Лермонтовым, всего, что только могли они отыскать. Они заслуживают благодарность со стороны публики, что поместили в изданное ими собрание стихотворений Лермонтова и такие пьесы, как: *Хаджи Абрек*, *Казначейша*, *Сосна*, *Парус*, *Желание*, *Графине Расстончиной*, *Ангел*, *М. П. Соломирской*, *В альбом автору «Курдюковой»*, *Два Великана*, *Ты помнишь ли, как мы с тобою*, и драму *Маскарад*; **сам поэт никогда бы не напечатал их** [выделено нами. – И. Ю.]

но они, тем не менее, драгоценны для почитателей его таланта, ибо он и на них не мог не наложить печати своего духа, и в них нельзя не увидеть его мощного, крепкого таланта: так везде видны следы льва, где бы ни прошел он» [2, с. 212]. Как следует из этого высказывания, Белинский не увидел в «Парусе» ничего самобытного и уникального. В его восприятии это типичное юношеское произведение, не выбивающееся из ряда ученических сочинений.

Однако после этих публикаций «Парус» почти сразу же вошел в программы гимназий, учебные хрестоматии (в частности, произведение было включено в хрестоматию Галахова, самую издаваемую и распространенную в России). Данное стихотворение стало одним из любимых. Известно признание Н. А. Некрасова о том, что в юности «Белеет парус одинокий...» было его любимым стихотворением (он писал об этом в своем дневнике 16 июня 1877 года). Как замечает И. А. Битюгова, Некрасова «...особенно привлекали мятежность, неуспокоенность в сочетании с идеалом высокой “гармонии”, “грация скорби”» [3, с. 338–339].

Сохранилось воспоминание студентов Московского университета о том, что «Парус» был «любимым стихотворением из всей мировой литературы» их любимого профессора – философа Г. Г. Шпета. Примечательно, что признание Г. Г. Шпета поразило студентов, т. к. «Парус», включенный в программу младших классов гимназий, они воспринимали как «детское» стихотворение. В связи с этим уместно вспомнить, что герой повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» Петя Бачей читает это стихотворение на вступительных испытаниях в гимназию, а строчки лермонтовского произведения не раз возникают в его сознании, когда он видит море.

Таким образом, в массовом восприятии «Парус» однозначно является одним из шедевров лермонтовской лирики, художественная ценность которого не требует доказательств. Подтверждением тому является, например, следующее мнение Г. А. Мейера в статье «Фаталист. К 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова»: «И скоро минет сто лет, как недобросовестные и невежественные люди, пользуясь расточительностью поэта, помещают рядом с “Ангелом” и “Парусом” его беспомощные ученические опыты...» [4, с. 885]. То есть «Парус» для Н. А. Мейера – это эталонный лермонтовский текст. Само же правило издавать в том числе юношеские стихотворения Лермонтова наряду с его шедеврами он воспринимает как глубоко неверное, порочное. Г. А. Мейер сетует, что «с Лермонтова, или точнее – с посмертных изданий его сочинений, начался у нас резкий упадок стихотворной культуры» [4, с. 886], потому что последующая русская лирика выросла на образцах незрелых лермонтовских стихотворений, т. к. «стихи Лермонтова, по преимуществу самые слабые, приобрели всероссийскую популярность» [Там же]. Таким образом, Г. А. Мейер опосредованно вступает в полемику с В. Г. Белинским о том, стоит ли делать достоянием широкой публики незрелые опыты поэтов (см. приведенное ранее мнение критика).

Какие особенности «Паруса» повлияли на то, что он так прочно вошел в разряд самых известных и любимых произведений русской культуры?

Прежде всего простота, лаконичность, яркость образа. Даже если человек ни разу не видел моря, его образ мгновенно возникает в воображении именно в лермонтовском варианте, при реальной встрече с морем каждый его беспредельность ассоциирует с парусом. Оказывает влияние и тот факт, что в стихотворении возникает не просто картинка (план изображения), но и рефлексия, которая обнаруживает сложность как внутреннего мира того, кто слился с беспредельностью морской стихии, так и отношений человека с бытием в целом (медитативный план). К тому времени, когда появилось лермонтовское стихотворение, в русской литературе сформировалось восприятие моря как емкого образа жизненной стихии. В этот общекультурный контекст сразу же и оказался включенным «Парус».

Кроме того, это стихотворение, так скажем, стало рубежным и с точки зрения поиска Лермонтовым новых художественных форм. По сути, оно показывало, по какому пути пойдет эволюция Лермонтова-лирика. Как заметил В. Э. Вацуро, «1832–1834 годы проводит в стенах Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Малопродуктивные в творческом отношении, эти годы были важны, однако, для внутренней эволюции Лермонтова; уже к 1832 г. “лирическое неистовство” двух предшествующих лет идет на спад и начинается постепенное возвращение к лиро-эпическим формам, но уже на новой основе. Стихи 1832 г. – уже не лирический дневник; объективное начало в них опосредованно, а круг жизненных впечатлений и образных средств шире. “Парус” написан именно в 1832 г...» [5, с. 363]. А. И. Журавлева указывает еще на одно важное художественное открытие Лермонтова в этом стихотворении – аллегоричность в нем «преображена в символику» [6, с. 38]. Строение этого образа-символа раскрывали не раз, мы сошлемся на разъяснение Э. Э. Найдича: «Сравнение превратилось в символ, отражающий духовный мир. И этот символ стал не просто знаком, не просто удачным выражением какого-то качества или свойства личности, настроения, а образом развертывающимся, вобравшим само движение мысли, “диалектику души”» [7, с. 129].

Характерно, как менялась трактовка этого образа-символа.

Прежде всего в нем находили выражение свободолюбивые революционные настроения, при этом акцент делался на образе бури, которая воспринималась как бунт, протест против тирании и несвободы, а «парус» ассоциировался с бунтарем-революционером, который идет против обстоятельств, стремится изменить мир. В этом отношении стихотворение воспринималось как текст-предшественник «Песни о буревестнике» М. Горького [8].

Прочитывался в стихотворении и декабристский пафос, т. к. его первая строка «совпадает со стихом 19 строфы XV главы I поэмы А. А. Бестужева-Марлинского “Андрей, князь Переяславский”. Первая глава этой поэмы вышла отдельным изданием (анонимно) в Москве в 1828 году, а в 1832 году стало известно имя автора» [9, с. 323–324]. Именно поэтому В. М. Маркович воспринял стихотворение как политический выпад, ведь цитата словно ука-

зывала на поэта-декабриста, тем самым напоминала о восстании 1825 года [10]. Однако сам Лермонтов воспринимал эту строку как свою, и родилась она у него не сразу (первоначально она звучала как «Белеет парус одиночный»).

Во времена безвременья или застоя в трактовке стихотворения актуализировались мотив одиночества и пространственная неопределенность паруса. Показательной в этом отношении является вариация лермонтовского «Паруса», осуществленная К. Фофановым в стихотворении «Я сказки медленней пишу...». Подробный анализ этого стихотворения принадлежит Т. В. Ковалевой и М. Ю. Мишиной, которые пришли к такому выводу: «Если мятежность у Лермонтова имеет целью обретение внутренней свободы, жажду активной, деятельной жизни, то основные характеристики героя К. М. Фофанова разочарованность, усталость, подавленность. Его страдания носят ярко выраженный личностный характер: сосредоточенность на себе полностью исключает интерес к миру» [11, с. 189].

Появляется в русской лирике и образ «порванного» паруса, т. е. уже пережившего бури, но не сдавшегося под натиском стихии (см., например, «стихотворение-беспокойство» В. Высоцкого «Парус»).

В настоящее время намечается новое понимание лермонтовского образа – его включают в контекст христианской традиции. Такое прочтение осуществила И. А. Киселева. Она указала, что стихотворение «обладает “характерной для романтизма религиозно-мистической аурой”» [12, с. 40] и рассмотрела его ключевые образы в аспекте христианской символики (в частности образ церкви-корабля, что позволило воспринять плавание на корабле как «метафору богопознания» [Там же, с. 41]). Подобный ракурс восприятия «Паруса» сделал закономерным следующий вывод: «...М. Ю. Лермонтов интуитивно подошёл к идее о том, что свобода и покой – неразрывные сочетания. Буря – это тоже вариант проявления свободы, так как она есть образ свободы в этом мире, а в духовном опыте религиозной культуры символизирует пограничную черту, соединяющую мир земной и мир небесный. <...> Пейзажное стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» и являет собой свидетельство реальности духовного мира, и открывает вдумчивому читателю живую жизнь бессмертной человеческой души» [13, с. 123–124].

Лермонтовский «Парус» стал символом непрерывного движения вперед, развития. Именно этот смысл воспринимают иностранцы. Доминанту данного образа выразил китайский президент Си Цзиньпин: Лермонтов «повествует о твердой воле и упорной борьбе». Безусловно, такое понимание в большей степени отражает суть китайского национального характера, чем смысл стихотворения. Но этот пример – яркое свидетельство того, что знаковый образ русской культуры актуален и для иной национальной традиции.

Таким образом, каждая эпоха по-своему интерпретирует лермонтовское стихотворение, которое оказывается созвучным революционно-мятежным

настроениям, во времена застоя и безвременья напоминает о «буре» и внутренней потребности действия и движения. Образ-символ, созданный на контрастах и антиномиях, позволяет выявлять в нем новые смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лермонтов, М. Ю.* Письмо Лопухиной М. А. «2 сентября 1832 г. Из Петербурга в Москву» / М. Ю. Лермонтов // Собр. соч. : в 4 т. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. – Т. 4. – С. 370–373.
2. *Белинский, В. Г.* Стихотворения М. Лермонтова / В. Г. Белинский . // М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. – Л. : ОГИЗ : Гос. изд-во. худ. лит., 1941. – С. 211–214.
3. *Битюгова, И. А.* Некрасов / И. А. Битюгова // Лермонтовская энцикл. – М. : Сов. энцикл., 1981. – С. 338–339.
4. *Мейер, Г. А.* Фаталист (К 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова) / Г. А. Мейер // М. Ю. Лермонтов : pro et contra. – СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2002. – С. 884–899.
5. *Вацуро, В. Э.* Лермонтов / В. Э. Вацуро // История всемирной литературы : в 9 т. – М. : Наука, 1989. – Т. 6. – С. 360–369.
6. *Журавлева, А. И.* Творчество М. Ю. Лермонтова / А. И. Журавлева, В. Н. Турбин. – М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1967. – 44 с.
7. *Найдич, Э. Э.* М. Лермонтов. Парус / Э. Э. Найдич // Поэтический строй русской лирики. – М. : Наука, 1973. – С. 122–34.
8. *Михайлова, Е. Н.* Идея личности у Лермонтова и особенности ее художественного воплощения / Е. Н. Мизайлова // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы : сб. первый. – М. : ОГИЗ ; Гос. изд-во худ. лит., 1941. – С. 125–162.
9. *Голованова, Т. П.* Примечания / Т. Н. Голованова, Г. А. Лапкина, А. Н. Михайлова // М. Ю. Лермонтов // Соч. : в 6 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 1. – С. 323–324.
10. *Маркович, В. М.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» / В. М. Маркович // Анализ одного стихотворения. – Л. : ЛГУ, 1985. – С. 122–132.
11. *Ковалева, Т. В.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» и интерпретация его мотивов в лирике К. М. Фофанова / В. М. Маркович, М. Ю. Мишина // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. Сер. Гуманит. и социал. науки. – 2012. – № 4 (48). – С. 184–191.
12. *Киселева, И. А.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» : поэзия духовной перспективы / И. А. Киселева // Литературовед. журн. – 2005. – № 20. – С. 40–48.
13. *Киселева, И. А.* Принцип и смысл обратной перспективы в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Парус» (1832) / И. А. Киселева // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Рус. филология. – 2016. – № 4. – С. 120–126.

Ирина Сергеевна Юхнова

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
русской литературы Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского

Irina S. Yukhnova

Doctor of Philology, Professor of the Russian Literature
at Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod